

ВПЕРЕДИ ВЕЧНОСТЬ
ТОМ 3

ЗИМОГОРЫ

Александр
Бачило

Впереди вечность

Александр Бачило

Зимогоры

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бачило А.

Зимогоры / А. Бачило — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Впереды вечность)

Перед вами третий том из собрания избранных произведений Александра Бачило «Впереды вечность» - «Зимогоры». И вновь великолепный маэстро фантастики предлагает нам не просто очень интересную книгу. Это – фактически сборник, своего рода задачник, предназначенный для поиска самых разнообразных ответов на один вопрос в самых различных вариациях «А что было бы, если было бы?». Александру Геннадьевичу блестяще удаётся провести своих читателей через этот лабиринт – от замерзшей в вечной мерзлоте Москвы в заглавных «Зимогорах» и до странного, сумрачного и даже какого-то метафизического «Лесопарка», что расположен в ни на что не похожем Академонгородке. Но вот только, какими вы сами вернётесь из этой прогулки по этому фантастическому лабиринту?..

© Бачило А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пятно	5
Не нужны	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Бачило

Зимогоры

Пятно

(из цикла «Академонгородок»)

Что это там, под деревьями? Словно кто-то перебегает от ствола к стволу. Или это ветер гоняет тени? Нет ветра. Тяжелые от снега сосновые лапы нависают над тропой...

Вот, опять! Да что там такое?!

Спокойно. Собака какая-нибудь роется в сугробе. И пусть себе роется. А я иду по тропинке. И впереди уже проступают огни. Там – улица, толпа народу, машины, витрины, море света...

Только бы выбраться к свету!

Надо было идти в обход, вдоль дороги. Черт меня дернул соваться в этот лес, с его тенями!

Оно всегда нападает из тени.

Из самого темного угла.

Странно, а ведь там совсем не было темных углов. Был белый песок, на который больно смотреть. Он слепил так, как никогда не ослепит этот снег под холодным желтеньким нашим солнцем. Там было другое солнце – пепельно-белое, больное, поливающее голую землю жаром прямо из зенита. И только одна узкая изломанная щель у подножья стены ухитрилась сохранить полоску тени – такую же узкую и изломанную.

Оттуда Оно и выползло. И убило Фаину.

Зря я об этом сейчас. Дело прошлое, и ничего уже не исправить. Мало ли кого Оно убило с тех пор? Просто Фаина была первой, потому и запомнилась. Собственно, я помню только свой испуг, оглушительный, долго не проходивший ужас. Никакой картинки в памяти не осталось. Потому что выглядит это всегда одинаково...

Нет, что-то там все-таки есть, за сугробами. И это не собака. Не стоит себя обманывать. Оно снова появилось, Оно упорно следует за мной и высматривает себе добычу.

Нашу добычу.

Потому что убивает Оно только в моем присутствии, только у меня на глазах. Словно пытается сделать мне приятное.

Но я не хочу! Не желаю, чтобы из-за меня кто-то умирал! Уехать! Срочно убраться куда-нибудь к черту на кулички, чтобы не видеть ни одного человека. Чтобы этой сволочи некого было убивать!

Хоть это ужасно красиво...

Альберт Витальевич Щедринский дернул за черный шарик. Бачок всхлипнул и залился весенним журчанием в невыносимом мажоре. Альберт Витальевич торопливо, пока не кончились завывания воды, разворачивал хрустящий целлофан. Руки дрожали.

– Нашел во что фасовать! – шептали губы в унисон с посвистом затихающего бачка.

Целлофан раскрылся, но порошок, расплзшийся по мятым складкам был по-прежнему недоступен.

– Чтoб у тебя руки-ноги отсохли! – обиженно хныкал Щедринский, дрожа от нетерпения и страха.

Ему казалось, что невесомый лист вдруг вспорхнет с ладони и улетит, втянутый в ненасытную ноздрю унитаза. Левая рука прокралась во внутренний карман серебристого концертного блейзера и вытянула зеркальце. Некоторое время Альберт Витальевич бессильно смотрел на трепещущий лист целлофана и зеркальце, в котором мелькали огненные зигзаги. Лампочка никак не хотела замереть под потолком и отразиться в зеркальце как следует.

– Нет, не могу, – простонал Щедринский, – просыплю!

Он медленно, боясь вздохнуть, повернулся и с тоской посмотрел на шпингалет. В одной руке зеркальце, в другой – драгоценный лепесток целлофана. А чем же дверь открывать? Альберт Витальевич попытался сдвинуть шпингалет углом зеркальца. Дверь кабинки неожиданно распахнулась, едва не смахнув порывом ветра весь порошок. Зеркальце грянулось о кафельный пол и отразило вместо одной лампочки целый десяток. Щедринский сунул порезанный палец в рот.

– Руки! Руки беречь! – неразборчиво крикнул он неизвестно кому.

Туалет был пуст.

– Наверняка ведь какая-нибудь сволочь припрется... – слабо простонал Альберт Витальевич.

Но другого выхода у него не было. Другого зеркальца – тоже. Мелкими инвалидными шажками, с дрожащим клочком целлофана в протянутой руке он двинулся к стоявшему в углу столику. Столик был не очень чистый, но лакированный, чем и привлек Щедринского. Выбрав местечко почище, он ссыпал порошок на столешницу, вынул из кармашка визитную карточку и принялся формировать дорожку.

– И визитка-то ломаная, – бормотал он раздраженно, но, закончив работу, снова сунул карточку в кармашек.

Визитка была последняя.

Альберт Витальевич придирчиво осмотрел две ровненьких параллельных полоски порошка абсолютно одинаковой длины и достал кошелек. Нюхать кокаин положено через свернутую в трубочку стодолларовую купюру. Это любой ребенок знает, во всех книгах про это пишут и по телевизору каждый день показывают. Но стодолларовых купюр у Щедринского давно уже не было. Пришлось сворачивать отечественный, довольно засаленный червонец, напоминающий доллары только цветом, да и то отдаленно.

В коридоре простучали шаги.

– Да где ведущий-то?! – в серебряном девичьем голосе слышались нотки истерики.

Альберт Витальевич торопливо вставил свернутый червонец в нос и склонился над столиком...

В полутемной и чрезвычайно захлавленной студии, больше похожей на склад таежного оборудования, был, однако, один уголок, ярко сияющий свежими красками. Здесь, у фанерной перегородки, оклеенной обоями под кафель, расположился нарядный кухонный гарнитур, плита без единого пятнышка, полки с чистой посудой, сверкающие кастрюли и прочие декорации телевизионной программы «Кушать подано». Съёмочная группа, держась в тени, сосредоточенно смотрела на большой, тщательно освещенный стол, где в обрамлении листьев салата, петрушки и базилика возлежали свеженарезанные колбасы. На границе света и тьмы взбешённой львицей металась высокая, но отцветающая Алла Леонидовна – режиссер программы.

– Ну что ты стоишь?! – грызла она ни в чем неповинную ассистентку, – На мобильник ему звони! У нас полтора часа на съёмку осталось!

– Да звонила я! – чуть не плача, отбивалась пухленькая Леночка. – Отключен у него мобильник! Две недели, как отключен за неуплату!

– Чтобы я еще раз связалась с этими бывшими звездами... – медленно закипала Алла Леонидовна, – с этой бездарью, пьянью подзаборной! Ни готовить, ни разговаривать толком не умеет, а строит из себя второго Макаревича! Кулинар! На букву «Х»...

Тут представление артиста закончилось, поскольку Альберт Щедринский сам вбежал в студию, энергично потирая руки.

– Время, время, дорогие мои! – он подскочил к столу, схватил нож, луковицу и улыбнулся в камеру. – Почему стоим?

– Ведущего ждем, – холодно отозвалась Алла Леонидовна.

– Я давно в кадре! – Альберт Витальевич высокомерно поднял бровь. – Давайте мотор!

– У вас пудра комками, – заметила ассистентка Леночка.

– Где?! – Щедринский полез было в карман за зеркальцем, но вспомнил, что зеркальца нет.

– Вокруг носа, где, – Леночка нехотя укусила бутерброд со спонсорской колбасой.

– Пардон! – Щедринский быстро утерся рукавом. – Ну все, я готов!

– А фартук вы не будете надевать? – осведомилась Алла Леонидовна совсем уже ледяным тоном.

– А, черт! Забыл! – Альберт Витальевич схватил со стула фартук с вышитой на груди надписью «Кушать подано» и принялся торопливо завязывать. – Мало того, что я должен сам гримироваться, – обиженно бормотал он, – так еще и это! Костюмер где?!

– Костюмера не дали. – Алла Леонидовна говорила с убийственным спокойствием. – Наша программа внеплановая... Кстати, через час мы должны освободить студию.

– Успеем! – отмахнулся ведущий, прилаживая на голове поварской колпак. – Картошку почистили?

– Это вы у съемочной группы спрашиваете?

– Нет, у Господа Бога! – взорвался артист. – Почему я сам должен заниматься реквизитом?!

– Потому что реквизитора вам тоже не дали! И вообще сказали, что программа идет последнюю неделю.

Щедринский выронил нож.

– Кто сказал?

Алла Леонидовна равнодушно пожала плечами.

– В координации сказали.

– Что они там знают! – Альберт Витальевич презрительно фыркнул. – Это вообще не их собачье дело! Пока спонсор дает деньги...

– Кстати, сегодня звонили от спонсора, – вставила Алла Леонидовна, и Щедринский понял, что сейчас его снова ударят гораздо ниже пояса. – Прошлая программа не понравилась.

– П-почему?

– Говорят, вы все время заслоняете гостей. А спонсору как раз нужен акцент на простой народ. Спрашивают, где награждение победителей конкурса.

Альберт Витальевич задохнулся от возмущения:

– Это что, моя проблема?! Я им буду рожать победителей? А ассистенты ваши чем будут заниматься? Колбасу жрать?!

Леночка поперхнулась бутербродом.

– Я всем разослала приглашения!

– Ха! Приглашения! Надо было встретиться с каждым! Это ваша обязанность, дорогая – подавать гостей передачи прямо к столу!

– Ага, щас! – Леночка не собиралась сдаваться. – Они все из области! Где я с ними буду встречаться?!

– Это ваше интимное дело, где встречаться! – грубил Щедринский.
– Мы работать будем сегодня, или нет? – устало спросила Алла Леонидовна.
– Это не работа! – взвизгнул Альберт Витальевич. – Это травля актера на площадке! Я не могу один тащить на себе всю программу, да еще отбиваться от идиотских наскоков!
– То есть вы отказываетесь?
– Да, отказываюсь! – Щедринский тяжело дышал, – ... от чего?
– От работы.
– Не дождетесь! Интриганы! Мотор!
– Мотор идет, – равнодушно отозвался оператор.
Лицо Альберта Витальевича исказила приветливая улыбка.
– Здравствуйте, дорогие любители котлет и профессионалы пельменей! – заорал он, глядя в камеру. – Как всегда в это время, с вами программа «Кушать подано» и ее постоянный теле-шеф-повар Альберт Щедринский!!!.. Ага! Потекли слюнки! И не зря, потому что сегодня мы снова будем готовить самые аппетитные блюда из продукции многочисленных спонсоров нашей по-пу-лярнейшей передачи!..

Итак, Оно вернулось. И сразу два новых убийства. Совсем, как тогда, в Москве. Я-то надеялся, что Его притягивает густонаселенный город. Думал, если уеду в провинцию, то избавлюсь от кошмара. Не тут-то было. Я нужен Ему как свидетель. Оно словно видит моими глазами то, что творит... Нечто бесформенное и бестелесное возникает где-то на самом краю зрения, во всяком случае мне никак не удастся точно уловить этот момент. Тень, мирно лежавшая в пыльном углу, вдруг начинает двигаться, набрасывается на человека и заглывает. Вернее, поедает, как кислота, или пережевывает, как мясорубка. Судя по отчаянным воплям. И по тому, как резко они обрываются... Невозможно рассказать, что я испытываю в эти несколько мгновений. Оно питается моим ужасом, и я чувствую, что ужас доставляет ему еще большее наслаждение, чем кровь и мясо. Но самое страшное, что это Его наслаждение передается и мне...

Колесников долго брел вдоль решетчатой ограды бывшего зернохранилища, ныне обращенного в съемочный павильон частной телекомпании «Монитор». Судя по состоянию ограды, телекомпания переживала не лучшие времена, во всяком случае с «Парамаунтом» пока не конкурировала. Ограда была ржавая и шербатая, половины прутьев недоставало. Колесникову, несмотря на его официальный статус, очень хотелось пролезть сквозь дыру в заборе и пойти напрямик к зданию. Но он не рискнул. Уж больно высокие сугробы намело на этой голливудской территории. Павильон сиротливо стоял в самом центре огороженного пространства, а по соседству с ним, под снежными увалами угадывались огрызки свай и кирпичная кладка еще одного корпуса, недостроенного с зерновых времен. Сразу за территорией, принадлежащей телестудии, начинались бескрайние белые поля, с мелкими перелесками, где по ночам, поди, еще волки на луну выли. Это была самая окраина города...

Да, забрались артисты, подумал Колесников. Ступая глубокой колеей, проторенной грузовиками, он добрел, наконец, до распахнутых ворот и повернул к зданию. Его удивило, что ко второму, недостроенному корпусу тоже шла тропинка, или, скорее, цепочка следов. Кто-то прошел туда-обратно всего несколько раз. Следы огибали едва заметный в сугробах цоколь постройки и терялись где-то за ним. Довольно странно. Что могло понадобиться человеку в этих руинах Продовольственной Программы? Ладно, это потом. Колесников поднялся на крыльцо павильона, потопал ногами, стяхивая снег, и позвонил в дверь.

К этому времени работа в студии, буквально, дошла до кипения. На плите пускала густые пары большая цептеровская кастрюля со стеклянной крышкой, оператор с осветителями суетились, готовясь снять крупный план блюда, как только оно доварится, а рядом

кипятился и плевался не хуже кастрюли раскаленный до последнего градуса Альберт Щедринский.

– Все! Больше ждать нельзя! Мы же не успеем снять концовку! Давайте, как будто готово!

– Так оно еще невкусное, – возразила Леночка, сооружая себе бутерброд из трех сортов колбасы.

– Мне плевать на вкус! – заорал Щедринский, – Мне важен темп, драйв, эмоция!

– Ну тогда пробуйте, – безжалостно сказала Алла Леонидовна, – только жуйте без отвращения! А то вы мне в прошлый раз загубили крупный план голубца!

– Чем это?! – всколыхнулся ведущий.

– Выражением лица! – срифмовала Леночка и прыснула в бутерброд.

– Та-ак, – Альберт Витальевич пошел пятнами, видными даже сквозь грим. – Прекратится когда-нибудь это издевательство?! Я сегодня же расскажу в дирекции, что вы нарочно срываете съемку!

– А я расскажу, что у вас палец порезанный! – не растерялась Леночка. – И вас с программы снимут!

Альберт Витальевич быстро спрятал руку за спину и обвел съемочную группу тяжелым взглядом.

– Избавиться от меня решили?! Ну мы еще посмотрим, кто от кого избавится! Не советую мне дорогу перебежать, – в глазах его засветился безумный огонек, – никому не советую! Как бы потом не пожалеть!

Последние слова Щедринский выкрикнул громко, с театральными раскатами, что в драматических спектаклях обычно предшествует появлению нового действующего лица. И действительно – дверь открылась, и в студию осторожно вступил Колесников.

– «Кушать подано», – произнес он сакраментальную фразу, – это здесь?

Альберт Витальевич досадливо поморщился, как артист, которому мешают репетировать.

– С рецептами – в редакцию!

Колесников покачал головой.

– У меня не рецепт.

– А! – оживился Щедринский, – так вас уже отобрали! Вы – гость?

– Нет, я не гость, – вздохнул вошедший, – Я – участковый.

– Э-э... врач? – не понял Альберт Витальевич.

– Милиционер. Участковый инспектор капитан Колесников. Надо бы поговорить...

В гримерке Щедринский сразу бухнулся на диван, дрожащими пальцами выудил из пачки сигарету и торопливо закурил.

– Ну как вам наша кухня? – спросил он.

– Я, честно говоря, мало в этом понимаю, – признался Колесников, – а вот жена постоянно смотрит. Недавно приготовила карпа в сухарях по вашему рецепту – всем очень понравилось – и мне, и жене, и Тимке.

– У вас сын?

– Нет, две дочери. И кот.

– М-да... Я, собственно, имел в виду нашу телевизионную кухню. Вы, наверное, обратили внимание: шум, ругань... На самом деле у нас чрезвычайно слаженный коллектив. Просто это необходимый элемент творческой атмосферы. Для бодрости, так сказать.

– Да, бывает... – покивал участковый.

– Так что же заставило бдительные органы окунуться в пучину шоу-бизнеса? – Альберт Витальевич старался держаться развязно, хотя на душе у него было скверно. Мало ли, зачем пришел к нему этот добродушный мент, отец двух дочерей и кота?

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Колесников.

– Слушаю вас, товарищ... – на этом слове Щедринский споткнулся, но другого не подыскал, – ... товарищ капитан.

– Тут на днях из области поступила ориентировочка... – участковый раскрыл папку и вынул листок бумаги. – В райцентре Довольное пропала продавщица гастронома, Сорокина Вера Павловна, сорок седьмого года рождения. Искали чуть не две недели по всей родне, и вдруг дочь увидела ее по телевизору, в вашей программе...

– Ну вот видите! И от нас, значит, бывает польза!

– Не все так просто, Альберт Витальевич. Домой-то она до сих пор не вернулась.

– Погодите, погодите... – Щедринский защелкал пальцами, припоминая. – Вера Павловна, продавщица? Здоровенная такая тетка? Отлично я ее помню! Снималась у нас в конкурсе рецептов.

– Когда это было?

– Когда... – Щедринский посмотрел на большой настенный календарь, весь изрисованный значками и пометками. – Четвертого февраля. Ровно две недели назад.

– Четвертого? – переспросил Колесников. – Как раз четвертого она уехала из Довольного...

– Может, у нее родственники в городе или знакомые?

– Проверяли. Никого.

– Ну, значит, пристукнули тетку, – легко вздохнул Альберт Витальевич. – Где-нибудь на обратном пути, в электричке. Сейчас это запросто...

– Тогда было бы тело, – возразил участковый, – а по сводкам...

– Да ладно вам, по сводкам! – отмахнулся телеповар. – Кто их в наше время считает, покойников! А, может, под снегом лежит где-нибудь в лесополосе, весны дожидается... Эх, жалко бабешку! Готовила, правда, так себе, но зато бойкая была, с прибаутками, анекдот даже рассказала. Мы ее хотели объявить победительницей конкурса, пригласили на следующую съемку, а она не явилась. Пришлось Бесноватого вызывать...

– Кого? – удивился участковый.

– А, это фамилия такая – Бесноватый Федя. Единственный наш конкурсант-мужчина. По-моему, тихий шизик какой-то. Но на безрыбье, как говорится...

– Так... – Колесников оттянул узел галстука и расстегнул воротник рубашки. – Делаа...

– Что такое? – встревожился Щедринский.

Участковый порылся в папке и вынул еще одну бумагу.

– Гражданин Бесноватый Федор Константинович, шестьдесят девятого..., по заявлению матери, ушел из дома одиннадцатого февраля сего года, и до настоящего времени его местонахождение неизвестно...

Она сама пошла за мной. Я и не знал, что она идет, пока не услышал, как поскрипывает снег под тяжелыми ее сапогами. Я был уже возле самой дыры, ведущей в подвал. Мне просто хотелось отдохнуть, посидеть в укромном месте, куда никто не притащится даже случайно. Я больше не мог оставаться с людьми, потому что чувствовал: Оно вот-вот появится. И тут – эта несчастная баба.

– Ой! Извиняюсь! – сказала она. – Я думала, так к выходу короче...

– Нет, – я старался на нее не глядеть, – так не короче.

– Смотрю, вы идете, ну и я за вами! Вот дура-то!

– Угу.
– А это что у вас тут, склад?
– Склад.
– Заваливший какой-то, ни решёт, ни дверей. Не разворовали бы!
– Не разворуют. Там брать нечего... Хотите посмотреть?
– Да мне оно ни к чему! – она рассмеялась, прикрываясь от смущения вышитой рукавицей, – Пойду я. На электричку не опоздать...

– Всего хорошего.
– И вам счастливо! До сви... ой! Это чего?

Она увидела что-то у меня за спиной, там, где был пролом в стене. Я не стал оглядываться. Я знал, что это.

Как всегда, мне только краем глаза удалось заметить первое стремительное движение. Снег вспух бугорком у стены, затем чуть дальше появился еще один бугорок, а потом что-то черное, гибкое вдруг вырвалось из-под снега у самых ее ног, вмиг заплело их и с хрустом рвануло. Она ударилась головой, поэтому не закричала сразу. В следующее мгновение ее втянуло в пролом. Я огляделся по сторонам. Широкий, как поле, обнесенный чахлой оградой двор был пуст. Никто не видел, того, что произошло, и не услышит того, что будет происходить дальше. Из подвала раздался первый надрывный вопль, начиналось самое страшное. Я подобрал упавшую в снег рукавицу с вышивкой и полез в пролом – смотреть.

– Значит, будем разбираться... – Колесников, словно табельное оружие, вынул вороненую авторучку и передернул колпачок.

– С кем разбираться? – растерялся Щедринский.
– С телестудией вашей. Интересно мне узнать, отчего это у вас гости пропадают.

– При чем тут мы?! – возмутился Альберт Витальевич. – У нас – кулинарная передача! Мы губернаторов не трогаем и с бандитами не ссоримся! Наши гости – это народ! Кому он нужен?!

– Вот это я и хочу понять. Скажите-ка, а из чего вы готовите ваши блюда?

Щедринский впился в участкового бешеными глазами.

– В основном, из филейных частей. Забиваем зрителя пожирнее и нарезаем кусками...

– Так и записывать? – спокойно спросил Колесников.

Альберт Витальевич только обиженно сопел.

– Вы, между прочим, зря иронизируете, такие случаи бывали, – участковый раскрыл блокнот, поставил на листке дату и время. – Но я, собственно, хотел спросить, кто поставляет вам продукты для съемок.

– А-а... – Альберт Витальевич задышал ровнее. – Ну, разные фирмы...

– В том числе и конкурирующие?

– Вы думаете, они нас между собой не поделили?... Ха-ха! – Щедринский горько рассмеялся. – Передача-то дохлая! Рейтинги никакие. Мы каждого спонсора по месяцу уговариваем, обещаем упоминать через слово, ролики крутить непрерывно, и то они морды воротят!

– А как насчет участников конкурса? Между ними-то вон какая конкуренция! Ссорятся, наверное, ненавидят друг друга?

– Это в Голливуде друг друга ненавидят. А наш хлебороб как только в кадр попадает, у него сразу отнимаются руки, ноги и язык. Не они мне, а я им их же рецепт рассказываю.

– Но Сорокина-то, по вашим словам, была бойкая?

– Луч света в темном царстве!

– Может быть, кто-то ей позавидовал?

– Ну, позавидовал кто-нибудь и что? Убил? За первое место в кулинарии?

– Всякое бывает, – Колесников пожал плечами, – маньяк какой-нибудь, или наркоман... Щедринский бросил на участкового беспокойный взгляд.

– Вы с ума сошли? Передача и так на честном слове держится, а вы еще с маньяками своими! Не дай бог, слухи пойдут... Нас же прикроют к чертовой матери, и все! А для меня, может, эта программа – последняя надежда...

Альберт Витальевич уставился в пространство большими глазами.

– Почему последняя? – спросил участковый.

– А? – Щедринский с трудом оторвался от своих мыслей. – Как вам сказать... Артист обязан быть на виду, его должны узнавать. Иначе он на хрен никому не нужен.

– Ну вам-то, Альберт Витальевич, популярности не занимать! – улыбнулся Колесников. – Вы, кстати, почему из Москвы уехали? В нашу-то глушь!

Щедринский снова испытывающе посмотрел на участкового. Ох, не прост он, этот милиционер!

– Потому и уехал, – вздохнул Альберт Витальевич. – Лучше быть в провинции ферзем, чем в Москве пешкой.

– Ну какая же вы пешка! Уж по меньшей мере – конь!

– М-да, – ведущий поддернул потускневшие рукава своего переливчатого блейзера. – Порубали нас, коней... Там сейчас такая рубка идет, аж башня дымит!

– Как же! – Колесников сочувственно покивал, – Не знаешь, какой канал смотреть... Сегодня спорт, завтра – погода...

– Да ведь не один я в провинцию подался, – Альберт Витальевич тянулся за сочувствием, хоть и не доверял участковому. – Вон, осветитель наш, Илья Зимин, тоже, между прочим, не хрен с горы. У самого Никиты оператором был. Подслеповат стал после травмы, пришлось в осветители уйти. Но художник есть художник! Он своими подслеповатыми так свет поставит, как ни один зрячий в Москве не поставит! А вынужден нам тут колбасу освещать...

– Ну, хорошо, – участковый пометил что-то у себя в блокноте, – вернемся к пропавшим. Вместо Сорокиной вы пригласили на съемку Бесноватого. Кстати, кто, конкретно, его приглашал?

– Леночка. Это Ассистент режиссера. Она отбирает рецепты на конкурс. Говорит, позвонила ему, он обрадовался, сказал, что обязательно будет одиннадцатого к пяти.

– И что было дальше?

– Да ничего не было, – Альберт Витальевич развел руками, – не явился Бесноватый!

... Он пришел за два часа до назначенного срока и так волновался, что не мог расстегнуть пальто. В студии, кроме меня, никого еще не было. Впрочем, я тоже был не один. Весь день мне мерещился быстрый промельк тени из одного неосвещенного угла в другой. Это могла быть крыса. Они забредали иногда в студию, вспоминая, вероятно, ее складское происхождение. И точно: скоро я услышал очень характерную возню за картонными щитами у стены. Маленькое, но живучее существо устраивало там свой маленький быт. Я даже рассмеялся облегченно. Крыса! Просто крыса... В ту же секунду где-то на краю зрения появилось черное размытое пятно и метнулось на шум. Картон колыхнулся, как от ветра, послышался дробный топот маленьких лапок, раздался отчаянный тошнотворный писк и тут же оборвался. Наступила особая, хорошо знакомая мне тишина, в которой, казалось, еще затухает эхо последнего вопля. Я понял, что Оно здесь. Развлекается...

В эту самую минуту из коридора донесся звонок. Кому бы в такое время? Охранник должен был заступить только вечером, поэтому я сам пошел открывать дверь.

...Он стоял на крыльце и, казалось, дрожал от холода. Пальтишко на нем и впрямь было не по сезону короткое и ветхое, но из-под вытертого драпчика выглядывал воротник белой рубашки и галстук.

– Слушаю вас, – сказал я без всякого радушия.

Он даже отступил в растерянности, попытался что-то сказать, но лишь промычал нечто нечленораздельное.

– Вы к кому? – грозно спросил я.

Мне вдруг захотелось, чтобы он испугался и ушел отсюда, дурачок, пока не поздно. Но он не ушел, а дрожащими пальцами принялся расстегивать пальто. Далеко не сразу ему удалось справиться с верхней пуговицей, вторую он просто оторвал, но, наконец, добрался до внутреннего кармана и протянул мне какой-то клочок бумаги. Я долго вертел его в вытянутой руке, с трудом разбирая буквы.

– Бес... Бес... но... ватый. Это что, справка?

Он замотал головой.

– Н-нет. Это фамилия такая – Бесноватый... Моя.

Я, наконец, понял, что держу в руке розовый пропуск в студию.

– Ах, вы у нас гость... – у меня вырвался тяжелый вздох.

Только бесноватых гостей мне сейчас не хватало...

– Что ж вы так рано, господин Бесноватый? Съемка в пять часов.

– Я пораньше... – выдавил он, – не опоздать... чтобы.

Лучше б ты опоздал, подумал я. Навсегда. Ну чего ты лезешь навстречу злой своей судьбе? Беги!

Но сказал другое.

– Знаете... павильон еще не готов. Монтаж декораций. Придется вам погулять два часа...

Не то чтобы я твердо решил его прогнать, просто во мне вдруг проснулся спортивный интерес: добьется он своего, или его еще можно спасти?

– А п-посмотреть нельзя этот... монтаж? – заикаясь, спросил он. – Я м-мечтал... всю жизнь.

До чего же увлекательно наблюдать, как упорно ищет мышь вход в мышеловку! ...

– Нельзя, – отрезал я. – Не положено по технике безопасности.

– Жалко, – понурился он, – ну ладно, я подожду. Только... может быть, в коридоре?

А то холодно.

Очень это было забавно. И все же я решил стоять до конца.

– Можно, конечно, и в коридоре. Если не боитесь.

– Ч-чего не боюсь? – испуганно спросил он.

– Перегореть, – пояснил я. – Когда долго ждешь в коридоре, волнение постепенно возрастает. К началу съемок некоторые актеры доходят до полной непригодности. А вы, я вижу, уже сейчас волнуетесь.

– Да, да, – он стал поспешно застегиваться, – тогда, конечно, не надо...

Я понял, что нащупал больное место.

– Вам бы отвлечься. Не думать о направленной на вас телекамере (в его глазах отразился ужас)... В кафе посидеть. Тут, кстати, есть одно, всего три остановки на троллейбусе.

– Точно, – заторопился он, – три остановки... в кафе... Спасибо! Извините!

Закрыв за ним дверь, я вернулся в студию. Там было тихо и сумрачно.

– Эй, ты! – крикнул я, обращаясь к картонным щитам у стены. – Мяса ждешь? Не дождешься, сволочь! Уехало мясо! На троллейбусе...

Ответа не было. Да я и не рассчитывал на ответ. Знал, как терпеливо Оно умеет ждать. Не эту добычу, так другую. Не сегодня, так завтра. Оно обязательно дождет своего, что бы я тут ни кричал. И меня же еще сделает соучастником. Гадина!

С разбегу я пнул крайний щит, хотя знал, что за ним никого нет. Картон глухо треснул и медленно отвалился от стены. На нем был изображен человеческий силуэт, видимый только наполовину. Вторая половина тонула в сплошном черном поле. «Пора выходить из тени» гласила надпись на плакате.

Я испугался. Нехитрая госреклама, призывающая всего-навсего честно платить налоги, показалась мне вдруг наглым, вызывающим посланием с того света – запиской от моего чудовища. Ему не терпелось. Ему было пора. Силуэт человека, наполовину пожранного темнотой, ясно давал понять, чем Оно собирается заняться. Я быстро посмотрел на часы. С минуты на минуту мог прийти кто-нибудь из съемочной группы. Хорошо, если сразу все – Оно не нападает на большие компании – а если придет только один? Господи, что я тут делаю?! Это не Бесноватому, а мне надо бежать, отсидеться где-нибудь в укромном уголке и вернуться, когда все будут в сборе!

Хорошо еще, что есть у меня такой укромный уголок. Там, в подвале недостроенного корпуса, сумрачно, но тихо, и припасены ящики, чтобы не холодно было сидеть. Там мы будем одни – я и Оно, и ни за что на свете не выйдем из тени. Раньше времени...

К концу разговора Щедринский совсем расклеился. Он пропускал вопросы мимо ушей, смотрел в одну точку и думал о чем-то своем. Колесникову никак не удавалось вывести его из ступора.

– Ну ладно, вы, я вижу, устали, – участковый поднялся, – пойду, побеседую с коллективом...

Он открыл дверь и, уже шагнув за порог, оглянулся.

– ...А потом вернусь, и продолжим!

Альберт Витальевич не отреагировал на его слова. С испуганным изумлением он смотрел куда-то мимо, в темноту коридора.

– Что там такое? – Колесников уловил краем глаза какое-то движение, но, обернувшись, заметил только длинную, угольно-черную тень, скользнувшую по полу.

– Кхм... кошку держите? – спросил он Щедринского, просто так, чтобы справиться с холодком, внезапно пробежавшим по спине.

– Кошку? Н-не знаю... – ответил тот почему-то шепотом.

– Хорошо. Разберемся! – участковый решительно закрыл дверь и направился в студию.

Здесь он застал почти всю съемочную группу за накрытым столом, только двое рабочих лазили по колосникам, натягивая от пола до потолка необъятных размеров синее полотно.

– Чайку выпейте, товарищ капитан! – пригласила Алла Леонидовна и тут же по-хозяйски распорядилась:

– Леночка! Поддай, киска, сервизную чашку из реквизита. Илюша! Сзади тебя стул свободный. Передай товарищу. Вам с чем бутерброд? Салами, сервелат?

– О! Да у вас тут прямо пир горой! – Колесников не стал ломаться и подсел к столу, тем более, что собирался еще кое-что узнать от съемочной группы.

– Спонсорская продукция, – пояснила Алла Леонидовна. – До следующей съемки все равно не доживет, так что поневоле приходится пировать. Праздник живота, так сказать. При наших-то зарплатах на свои не погуляешь! А у вас как, в милиции?

– М-да, – Колесников покивал, – тоже на сервелаты не хватает...

– А го-орят, сейчас в милиции хо-ошо платят, – сказала непрерывно жующая Леночка, подавая ему чашку чая и тарелку разноцветных бутербродов. – У меня о-ин знакомый в РУ-ОПе служит, так он...

– Ну, сравнила! – хохотнул маленький востроносый оператор. – То в РУБОПе, а то участковым! У меня жена, например, участковый врач. Ну и что? Ходьбы двадцать километров в день, а денег – шиш! Правильно я говорю?

– Есть такой эффект, – Колесников улыбнулся.

– Серьезно? – удивился осветитель Илюша. – А в Москве участковый – самая выгодная должность.

– Да уж куда нам до москвичей! – съязвила Алла Леонидовна, не переставая подкладывать Колесникову яства, – вы, товарищ капитан, постромы попробуйте! Это новый сорт, просто чудо...

– Спасибо.

– В Москве ж регистрация нужна... – продолжал Илюша, – А регистрацию участковый дает. В том числе и кавказцам. Вот они там на джипах и катаются...

– Кавказцы? – глазки Леночки расширились, насколько позволяли щеки.

– Участковые, – пояснил осветитель. – Кавказцы-то – само собой...

– Скучаете по столице? – спросил Колесников.

Он понял, что это и есть Илья Зимин, бывший оператор самого Никиты. Знать бы еще, кто такой Никита...

– Скучаю? – Зимин прищурился на него подслеповатыми глазами. – Нет, пожалуй. Чего уж теперь скучать?...

– Правильно, Илья! – ввернул востроносый, – Чего по ней скучать? Грязь, грохот, суета! Верно я говорю?

– Угу, – легко согласился Зимин. – Я свое отсуетился.

– Ну почему же? – участковый понял, что Илью будет нетрудно разговорить. – В вашем возрасте на покой как будто рановато!

Зимин покачал головой.

– Вы не в курсе, наверное...

– Кое-что слышал. Говорят, у вас очень высокая квалификация...

– Была, – уточнил Илья.

– Серьезная травма? – Колесников деликатно кашлянул. – Вы извините, что я такие вопросы... если неудобно, то...

– Да ничего! – Илья махнул рукой. – Я уж всем рассказывал. Снимали мы в Каире один боевичок...

– С Никитой? – небрежно осведомился участковый.

– С ним, – Зимин кивнул. – Ну, как всегда, полтонны пиротехники – шашки, пакеты, даже магний, в общем, решили грохнуть, как следует, и грохнули. Польшнуло так, что у меня в обоих глазах теперь слепое пятно. Врачи говорят – поражение сетчатки. Там, в пустыне, где у нас площадка была, оказался склад оружия, что ли, или химии какой-то.

– Что ж они, не могли выделить вам место для съемок побезопаснее?

– Да склад-то подпольный! Все было запрятано в древней гробнице, никто про нее и не знал, иначе, конечно, нас туда и близко бы не пустили. Гробницу, понятно, разметало, археологи до сих пор по камешку собирают. Но самое удивительное, что от взрыва никто не пострадал... кроме меня, – Илья вздохнул. – Я-то с камерой ближе всех стоял, как герой! Вместе и погорели. Камеру – в утиль, меня... в общем, тоже...

– М-да... – Колесников помолчал сочувственно. – А что, Щедринский тоже там был? Осветитель очень удивился.

– Нет. С чего вы взяли?

– Ну... просто подумал, раз вы вместе перевелись из Москвы...

Илья протестующе замотал головой.

– Мы не вместе. Я с ним только здесь и познакомился.

– А он не говорил, почему уехал?

– Нет.

– А вы как думаете? – настаивал участковый.

Илья насупился.

– Понятия не имею! Почему бы вам у него не спросить?

– Он натворил что-нибудь? – шепотом спросила Алла Леонидовна.

– Ну что вы! – Колесников беззаботно рассмеялся. – Просто я расспрашиваю обо всех понемногу. У Альберта Витальевича – о вас, у вас – о нем...

– Но зачем? – не унималась Алла Леонидовна. – Ведь что-то же произошло, раз вы ведете расследование!

– Я? – очень натурально изумился участковый. – И не думал! Это прокуратура расследования ведет, а я могу только расспрашивать. Вот, например, давайте вспомним, чем занимались все присутствующие неделю назад, то есть одиннадцатого февраля...

Я запер тяжелую металлическую дверь павильона и, на ходу одеваясь, побежал к своему укрытию. Узкие щели, чернеющие в сугробах под снежными козырьками, делали его похожим на замаскированный блиндаж. Последний ДОТ недобитой армии. Отсюда только белым флагом махать... Но я ничем махать не собирался. Для меня это не ДОТ и не блиндаж, а убежище. Убежище от людей, потому что от моего врага мне все равно не убежать...

Едва шагнув в пролом, я понял, что и убежища из моего подвала не вышло. В нос ударил запах табака, от всех щелей протянулись лучи, в которых слоями плавал дым. В самом темном углу что-то булькнуло, послышался сдавленный кашель.

– Кто тут? – я пошел на звук, нащупал в темноте ветхий драпчик и вытащил его ближе к свету.

– Извините, – просипел Бесноватый, – я, буквально, один глоток! Для храбрости...

В одной руке он держал початую бутылку водки, в другой – пластиковый стаканчик.

Все понятно. Парень решил сэкономить на кафе и по врожденной своей стеснительности забрался в подвал – подальше от людских глаз. Вот, скромняга! Ото всех спрятался. Кроме судьбы...

– Чего уж там глоток, – сказал я, – наливай по полной!

Густая тень неслышно прошла вдоль стены, погасив несколько дымных лучиков, и остановилась за спиной Бесноватого. Я поспешно забрал у него бутылку.

– Давай поддержку. А то еще разольешь...

... Колесников уже собирался выйти на улицу, когда позади послышались торопливые шаги. В конце коридора показался востроносый оператор. Он очень спешил, но все же сначала тщательно закрыл за собой дверь в студию и только потом подал голос:

– Товарищ капитан! Постойте! Вы, что, уже уходите?

– Нет, еще вернусь. Снаружи вот только гляну, как и что...

– Да нечего там глядеть! Я знаю, кто вам нужен!

Участковый отпустил ручку двери и повернулся к нему.

– Надо ли понимать, Игорь Сергеевич, что вы можете сообщить конкретные факты? Никаких личных счетов и обид?

Оператор так энергично тряхнул головой, что на ней торчком поднялся жиденький белобрысый вихор, прикрывавший раннюю лысину.

Колесников вынул блокнот.

– Слушаю вас. Только факты.

– Во-первых, пьет запоями. А возможно и нюхает!

– Так, – Колесников в раздумье постучал ручкой по бумаге. – Ну и что?

– Как – что?! – удивился Игорь Сергеевич. – Остальные-то – нормальные люди! А этот – мутант какой-то! Не дождемся, когда его, наконец, с программы уберут!

– И каким же образом это связано с пропажей людей?

– Да черт его знает, наркомана, что ему в голову может прийти! Между прочим, он к Леночке... – тут оператор понизил голос и привстал на цыпочки, потому что был невелик ростом, – ... к нашей Леночке приставал с непристойностями в особо извращенной форме...

– Это как?

– Во время еды.

– Ужас, – согласился капитан, представив.

– Да разве только к Леночке! – негодовал Игорь Сергеевич.

– Что, неужели и к Алле Леонидовне?!

– Нет, – оператор потупился. – Ко мне...

Когда Колесников, наконец, вышел из павильона, было уже совсем темно. Галогеновый фонарь над входом бросал на снег широкий клин света, но остальная территория бывшего зернохранилища погрузилась во мрак. Закрутившая к вечеру поземка обещала скоро превратиться в настоящую февральскую метель.

– Ай-яй-яй, как нехорошо!

Участковый заторопился. Он наскоро осмотрел павильон снаружи и бегом направился к тропе, что вела через сугробы к недостроенному корпусу. Эта почти нетоптаная стежка еще днем показалась ему странной. Кому и что могло понадобиться там, где торчали лишь огрызки бетонных свай да едва начатая кирпичная кладка?

Обойдя стройку по следу, он обнаружил пролом, ведущий в подвал. Внутри было темно, пришлось светить зажигалкой. Здесь явно бывал кто-то. Дощатый ящик из-под стеклотары был застелен старой газетой. На нем стояла пустая водочная бутылка, рядом валялся пластиковый стаканчик. Разглядеть что-то еще было трудно. Участковый хотел было уже повернуть к выходу, как вдруг заметил на полу среди обломков кирпича какой-то яркий лоскут. Разглядеть что-то еще было трудно. Участковый хотел было уже повернуть к выходу, как вдруг заметил на полу среди обломков кирпича какой-то яркий лоскут. Это была расшитая пестреньким узором шерстяная рукавица, явно женская, несмотря на довольно солидный размер. Как раз такие рукавички, согласно ориентировке, носила продавщица Сорокина.

– Неужели, так просто? – пробормотал Колесников. – Заманили в подвал и убили? И даже прибраться, как следует, не потрудились...

– Еще не поздно, – сказал кто-то за спиной.

Огонек в руке участкового дрогнул и погас. Капитан резко обернулся. Бледное пятно пролома заслонила тень. По силуэту невозможно было определить, кто это, но голос показался знакомым.

Колесников снова чиркнул зажигалкой. Пальцы вдруг стали непослушными, пламя затеплилось только с третьего раза. Впрочем, вошедший не пытался ни скрыться, ни напасть.

– Ага! – радостно воскликнул участковый. – Вот это кто! Можно было догадаться!

– Да я и не прячусь...

А оружия-то при нем нет, подумал капитан.

– Ну, рассказывай...

Вошедший покачал головой.

– Времени нет.

– Ничего, прокурор добавит! – пошутил Колесников, бочком подвигаясь к пролому. – Не торопись, давай поговорим...

– Я и не тороплюсь. Это ведь не у меня, а у вас времени нет...

Участковый, продолжая двигаться боком, незаметно оттирал собеседника от выхода и, наконец, оказался между ним и проломом.

– Бежать намылился? – он нервно хохотнул. – Все, некуда!

– Это точно, – пришедший тяжело опустился на ящик. – Бежать мне больше некуда. Везде одно и то же...

– Вот и рассказал бы все начистоту! – Колесников, поплевав на пальцы, перехватил горячую зажигалку.

– Бесплезно. Я пытался рассказать кое-кому... из знакомых...

Последние слова были едва слышны.

– Ну, – подбодрил капитан, – и что же они?

– Их уже нет, – сидящий опустил голову.

Колесников поднял огонь повыше. Этот человек не походил на пойманного преступника. Ни испуга, ни злобы в глазах – только усталость. И уверенность в том, что все останется, как есть.

– А ты попробуй мне рассказать.

– Зачем? С вами будет то же самое... – сидящий быстро обернулся, замер, настороженно прислушиваясь.

– Что будет? – спросил участковый.

– Сначала будет больно... Очень больно. Но это недолго. Пока не дойдет до позвоночника... Потом чувствительность пропадает – и легче... – глаза, виновато смотревшие на Колесникова, вдруг осветились. – А вы попробуйте сразу, головой вперед! Может быть, получится... Эх, жалко, что оружия-то у вас нет с собой!

Участковый кашлянул несколько стесненно.

– С чего это ты взял?

– Да вы бы его давно уже достали... – задумчиво произнес странный собеседник. – Вот и пригодилось бы – застрелиться. Быстро и безболезненно...

– Ну вот что, – прервал его Колесников. – Мне эти бредни выслушивать ни к чему, на то есть психиатрическая экспертиза. Пойдем-ка на воздух, а то зажигалка кончается!

Он решительно шагнул к задержанному, но вдруг поскользнулся на ровном месте, словно наступил на что-то живое, рванувшееся из-под ног. Испуганно вскрикнув, он упал на спину, и огонек в его руке погас окончательно.

Все лампы в моем доме горят днем и ночью. Каждый предмет, способный отбрасывать тень, освещен, как минимум, с трех сторон. Я выбросил все лишнее, я размыл все тени, но это не помогает. Оно уже не прячется. Оно ходит, не скрываясь, среди бела дня, только черный окрас становится бесцветным при ярком освещении. Стеглянная, почти прозрачная масса неожиданно перетекает через середину комнаты от шкафа к дивану или исчезает под дверь. Много раз я пытался сфотографировать Его или снять на видеокамеру – бесполезно. На пленке ничего не остается. Впрочем, может быть, Оно просто не попадает в кадр. Я решил сделать хотя бы рисунок. Взял карандаш и прямо здесь, в тетрадке, где веду эти записи, стал рисовать.

Мне удалось сделать только несколько штрихов. Внезапно страшная, обжигающая боль полоснула по ноге. Я вскрикнул так, что посуда в шкафу отозвалась звоном. От колена к лодыжке пролегла темно-багровая полоса. Корчась от боли, я свалился на пол. И увидел уползающую под диван хвостатую тень.

Оно коснулось меня! Это прикосновение, как ожог кислотой! Теперь я представляю, что чувствуют те, на кого Оно нападает... Но почему – на меня? Из-за рисунка? Оно понимает, что я делаю! И не желает, чтобы Его изображали...

Я осторожно поднялся и снова сел к столу. Покосился на угол дивана. Там, вроде, спокойно. Ах ты ж, сволочь... больно-то как... Но надо выяснить все до конца. Я взял карандаш и медленно поднес его к бумаге... В соседней комнате вдруг что-то громко хлопнуло, а затем с плеском и хрустом грянулось об пол. Аквариум! Я вскочил так, будто меня снова ошпарило, и бросился туда. Осколки аквариума лежали в луже воды, которая еще бурлила и плевалась паром, докипая. Рыбки, хвостатые мои гурами и меченоски, глазастые телескопы – последняя живность, которая еще могла существовать рядом со мной – лежали теперь раздутые, побелевшие. По комнате расплзался отвратительный запах супа.

Я вернулся к столу, вырвал из тетради лист с рисунком, скомкал и зашвырнул под диван.

– На, подавись!

И сейчас же оттуда раздался тихий шелест – то ли сама бумага распрямлялась, то ли ее осторожно потрогали. Когда через некоторое время я заглянул под диван, чтобы установить там еще одну лампу, листка не было.

... Вчера Оно сопровождало меня всю дорогу до работы, и во время этой прогулки я сделал несколько неприятных открытий. Во-первых, люди не замечают Его, когда Оно этого не хочет. Значит ждать от них помощи не приходится. Оно является только мне – между припаркованными у тротуара машинами, в просветах еловых ветвей на бульваре, в оставленной без присмотра детской коляске. Но никто, кроме меня, не видит этого туманного отпечатка, водяного знака, незаметно вписанного в пейзаж.

Еще одно скверное новшество обнаружилось у самых ворот студии. Навстречу попался прохожий – совершенно незнакомый парень в куртке с поднятым воротником, в глубоко натянутой на уши вязаной шапочке. Он прошел мимо, не обратив на меня никакого внимания, погруженный в собственные полусонные мысли. И вдруг Оно повернуло, потекло следом за ним и скрылось за поворотом. Я не знал, что и подумать. На избавление, впрочем, не надеялся, и, как оказалось, правильно делал. Через час Оно вернулось. Я увидел привычный промельк тени, уползающей на свое излюбленное место в студии – за картонные щиты. Не знаю, что стало с тем парнем, меня это мало волнует. Гораздо неприятней другое. Похоже, скоро Оно научится охотиться без меня. Не наступит ли тогда и моя очередь?...

Утром следующего дня съемочная группа программы «Кушать подано» снова собралась в павильоне. Нужно было записать недоснятую вчера концовку передачи. Леночка принесла из дома обмотанную полотенцем кастрюлю со вчерашними тефтелями, которые она довела до готовности в собственной духовке, героически преодолев искушение отведать кусочек. Выглядели они, правда, не слишком аппетитно, но зато Альберт Витальевич мог теперь попробовать их без риска для жизни и даже изобразить на лице восторг без особого напряжения актерских способностей.

Все было готово к съемке: новые спонсорские колбасы нарезаны и разложены на столе в окружении свежей зелени, Илья Зимин ярко и красиво осветил кухонный угол студии всевозможными приборами, дающими верхний, нижний, рисующий и контрольный свет, востроносый Игорь Сергеевич вставил в камеру новую кассету и прописал «матрас» – полосатую разноцветную таблицу, которую всегда записывают в начале кассеты, Алла Леонидовна мяла нервными режиссерскими пальцами первую сигарету. И только ведущий программы Альберт Витальевич Щедринский к съемке был категорически не готов. Выражение, написанное на его лице, ничуть не походило на кулинарный восторг. Откровенно говоря, лица на нем вообще не было. Руки ведущего мелко тряслись, а слова застревали в горле. Гримировать его пришлось Леночке, поскольку сам он только размазывал грим по лицу безобразными полосоками. Выйдя на съемочную площадку, он медленно, как в петлю, просунул голову в лямку фартука и сипло выдавил:

– Я готов.

– Что с вами, Альберт Витальевич? – Алла Леонидовна выронила сигарету.

Ей вдруг страшно жалко стало этого неприкаянного человека, напуганного и вымотанного, казалось, до последней степени.

– Может, участковый вчера расстроил... – предположил Игорь Сергеевич со змеиным сочувствием.

При слове «участковый» Альберт Витальевич в ужасе схватился за голову.

– Боже мой...

– Вы плохо себя чувствуете? Илья, дай ему стул, он упадет сейчас! Лена, воды! – Алла Леонидовна распорядилась первой помощью не хуже, чем съемочным процессом. – Перерыв полчаса!

– Одну минутку! – раздался вдруг голос, ничем не уступающий режиссерскому в командных интонациях. – Попрошу никого не расходиться!

В дверях студии стоял человек средних лет, коротко стриженный, крепко сколоченный, или, как пишут в детективах: «с шеей борца и носом боксера». Его щегольской костюм в мелкую полоску дополняли темная рубашка и светлый галстук, не хватало только шляпы дона Карлеоне и «Томми-гана» в руках. Позади возвышались двое широкоплечих парней, вполне подстать боссу.

– Старший следователь Савватеев, горпрокуратура, – представился дон Карлеоне, раскрывая на всеобщее обозрение красную книжечку.

Хлопоты вокруг больного замерли. Да и сам он застыл, судорожно выпрямившись на стуле. Все уставились на книжечку и ее обладателя. Алла Леонидовна озадаченно, по-мужски похлопала себя по карманам, в поисках не то сигарет, не то очков. Леночка раскрыла от удивления свой маленький, в сравнении с общей площадью лица, ротик. Оператор непроизвольно потирал руки. Осветитель Илья, прищурившись, глядел на двух помощников следователя, оставшихся в дверях.

Савватеев, казалось, был удовлетворен произведенным эффектом. Он вошел в освещенное пространство, ногой пододвинул к себе стул и сел так, чтобы видеть одновременно и тех, кто собрался у стола, и тех, кто остался возле камеры.

– Увертюры не будет, – сразу же заявил следователь. – В такой ситуации, дорогие мои, миндальничать не приходится.

Он обвел собравшихся веселым взглядом.

– Тут у вас засели, видно, крутые ребята. Ничего не боятся! Даже милиции. За две недели четыре человека – как в воду! Это круто... – он покивал с каким-то зловещим одобрением.

– Почему четыре? – удивилась Алла Леонидовна. – Разве не два?

– Помолчите пока! – рявкнул Савватеев. – Отвечать будут все! Но только когда я спрошу.

Алла Леонидовна отпрянула, побледнев, да и вся съемочная группа испуганно переглянулась. Как не похож был этот старший следователь на вчерашнего вежливого участкового!

– Итак, что же у нас получается? – зловеще продолжал Савватеев. – Четвертого февраля Сорокина Вера Павловна выехала из своего райцентра Довольное для участия в передаче «Кушать подано». В передаче поучаствовала, но домой не вернулась. Неделью спустя Бесноватый Федор Константинович оделся понаряднее и на троллейбусе отправился на съемки той же самой передачи. Домой не вернулся. Жерехов Вадим, лаборант политехнического колледжа, пошел утром на работу и не дошел. Почему? Да потому что дорога его проходила прямо через территорию известной нам телестудии «Монитор»! – следователь с укоризной посмотрел на всех по очереди, как будто ждал извинений. – И, наконец, ваш родной участковый инспектор, капитан Колесников...

– Что с Колесниковым?! – изумленно воскликнул востроносый оператор Игорь Сергеевич.

– Тихо, я сказал! – Савватеев ударил каменной ладонью по крышке стола. Пирамида спонсорских колбас покосилась.

Следователь встал и обошел притихших телеработников, внимательно их разглядывая, словно посетитель музея восковых фигур.

– Это я должен спросить, что с Колесниковым, – мягко пояснил он. – И ответит мне на этот вопрос... – он сделал еще шаг и вдруг, резко повернувшись, положил руку на плечо Альберта Витальевича, – гражданин Щедринский!

Несчастный ведущий вскрикнул, как подстреленный заяц, и опал бессильно. Все смотрели на него с ужасом.

– А ведь я капитана предупреждал... – быстро заговорил маленький оператор, – этот наркоман на все способен!

– Не может быть! – Алла Леонидовна бросилась к Щедринскому. – Алька, ты что наделал?!.. Неужели, ради своей передатки?! ... Господи!.. – она быстро повернулась к следователю. – Он болен, понимаете? Алкоголик он, и вообще... но совершенно безобидный человек! Его надо на экспертизу! Он не может отвечать за поступки!

– Вы закончили? – вкрадчиво осведомился Савватеев. – А теперь, если не возражаете, все-таки послушаем гражданина Щедринского, – он подошел к Альберту Витальевичу и взял его за пуговицу. – Так что же произошло на стройке, в подвале? Ты ведь был там... ни-ни, даже не вздумай отпираться! Истоптал весь снег вокруг своими «Катерпиллерами», так теперь уж колись! Ну?

Альберт Витальевич замотал головой.

– Я... ничего не видел, – пролепетал он, – только слышал... Это ужасно... Крик... Он кричал, как будто с него кожу... я... я ушел. Я испугался!

Илья Зимин нащупал позади себя стул и сел. Игорь Сергеевич, стоявший возле камеры, недоверчиво хмыкнул. Следователь похлопал Щедринского по спине.

– Ну, ну, дорогой! Неужели даже одним глазком не заглянул? Никогда не поверю! Наоборот, у меня есть все основания считать, что ты не только **видел** того, кто убил Колесникова, но даже хорошо **знаешь** убийцу. Иначе, зачем бы тебе было рисовать его портрет?

Альберт Витальевич недоуменно поднял глаза на следователя.

– Вот смотри, какую любопытную тетрадку мы нашли на месте преступления! – Савватеев ловко, как фокусник, чуть ли не из рукава вытащил тетрадь в коричневом коленкором переплете и раскрыл ее на середине. – Вот подробное описание всех четырех преступлений. А вот и портрет убийцы!

Неожиданно для всех с места вскочил осветитель Илья Зимин.

– Где?! – в страшном волнении закричал он. – Не может этого быть! Я же вырвал...

Следователь, казалось, нисколько не удивился этому странному признанию.

– Пожалуйста! Можете посмотреть... – он подал тетрадку осветителю, но едва тот протянул за ней руку, как из-под коленкора блеснуло стальное ухо наручников и цепко защелкнулось на запястье Зимина.

– Иди сюда! – сказал следователь.

Уверенным борцовским движением он повалил Илью лицом в колбасы, заведя ему руки за спину, сцепил их наручниками, после чего толчком отправил его обратно на стул.

– Теперь поговорим!

Вся съемочная группа, включая Альберта Витальевича, ошарашено наблюдала за происходящим.

– Вы совершенно правы, гражданин Зимин, – продолжал, как ни в чем не бывало, следователь. – Рисунка нет. Вы его вырвали. Ведь это ваша тетрадь, верно?

Теперь все смотрели на Илью, но он лишь мутно озирался, видимо, сам еще не до конца сознавал, что угодил в расставленную следователем ловушку.

– Ну, быстрее соображай! – гаркнул Савватеев так, что все снова вздрогнули. – Какой смысл отпираться? Рисунок вырвал, а записи-то остались! – он взял со стола тетрадку и пошелестел страницами. – Интереснейшее, надо сказать, чтение! Прямо жуть берет, честное слово! Хотя, конечно, сразу понятно, что писал человек больной...

Он бросил тетрадь на стол и вплотную приблизился к Зимину.

– Будем смотреть правде в глаза, Илья Петрович! Вы – сумасшедший. И это – ваш единственный шанс попасть не в камеру смертников, а в санаторий для психов. Держитесь этой линии, колитесь охотно и весело – тогда вам ничто не грозит.

Осветитель покосился на него снизу вверх, но промолчал.

– Я ведь вас и поймал так просто, только потому что вы псих, – втолковывал Савватеев, – Конечно, можно было дожидаться результатов графологической экспертизы, но я, знаете, привык работать быстро!

Следователь оглянулся на Щедринского.

– Альберт Витальевич простит меня за маленький наезд. Ведь правда, Альберт Витальевич, вы не сердитесь?

Щедринский поспешно закивал. Савватеев улыбнулся ему поощрительно.

– Вы действительно не могли видеть того, что происходило в подвале, потому что близко к нему не подходили, – сказал он. – А вот вы, гражданин Зимин, не только подходили, но и внутрь лазили! И не один раз! В связи с этим у меня к вам деликатный вопрос: Илья Петрович, а где тела?

Следователь навис над Ильей, как скала, готовая обрушиться на голову. Все, кто был в студии, тоже пристально смотрели на бывшего, теперь уже каждому ясно, что бывшего осветителя. Игорь Сергеевич, как истинный телеоператор, на всякий случай незаметно нажал на камере кнопку записи.

– Так я вас слушаю, – пророкотал Савватеев.

– Ну... вы же читали дневник, – Илья казался довольно спокойным, – Оно их поглотило...

– Оно! – с досадой повторил следователь.

Он жестом согнал со стула Щедринского и уселся напротив Ильи.

– Конечно, это дело не мое, с психами разбирается судебная медицина, – Савватеев сочувственно развел руками, – Но, если хотите, я не хуже любого Фрейда могу объяснить вам, откуда взялось это ваше «Оно»...

Илья недоверчиво скривился.

– Нет, кроме шуток! – заверил его следователь. – Я ведь со всеми вами уже познакомился, узнал о каждом много интересного... – он приятно улыбнулся Щедринскому, отчего тот вдруг снова почувствовал беспокойство. – Но ваша, Илья Петрович, биография – самая интересная. Просто-таки готовая история болезни. Год назад, в Египте, вы пострадали при взрыве – получили сильную контузию. Кроме того, у вас была травма глаз, а именно – поражение сетчатки. Я ничего не перепутал?

Зимин безразлично пожал плечами. Остальные закивали, подтверждая.

– Так вот, при поражении сетчатки, – продолжал Савватеев, – человек иногда видит то, чего нет. В глазу у него – большое слепое пятно. В сумерки оно кажется черным, его легко принять, например, за человека, медведя, слона или вообще – за бесформенное чудовище, которое ползает где-то рядом, но никак не дает себя разглядеть. А много ли надо контуженному? Один раз померещится, а испуг – на всю жизнь! Вот вам и «Оно»!

Оператор Игорь Сергеевич, как бы между прочим, тронул кнопку на камере, а на самом деле сделал эффектный наезд на лицо Зими́на. Матерьяльчик мог получиться очень интересный.

– Значит, я сумасшедший... – Илья подвигал скованными руками, почесал правую ногу левой, – ... Вижу то, чего нет... – он вдруг поднял голову и злобно посмотрел на следователя. – А кто же тогда их всех убивает?!

У всякого следователя, который хоть однажды читал Достоевского, всегда готов ответ на этот наивный вопрос подозреваемого. Но Савватеев любил нетривиальные решения, поэтому, вместо того, чтобы ответить, как Порфирий Петрович: «Вы-с. Вы и убили-с», он просто схватил Зими́на за ворот своей железной десницей и проорал, брызгая слюной в лицо:

– А вот это ты мне сейчас и расскажешь, псих долбаный! Веди, показывай, куда милиционера девал! Быстро встал!!!

Такие вот внезапные изменения стиля в свое время и сделали рядового следователя Савватеева старшим. Мало кто из подследственных выдерживал его долго – кололись, как миленькие. Однако в случае с Зими́ным безотказный метод сбойнул. Вместо того чтобы потерять от испуга всяческую волю к сопротивлению, Илья вдруг с отчаянным криком толкнул следователя ногами в живот, упал вместе со стулом назад и, перевернувшись через голову, снова оказался на ногах. Он сейчас же бросился бежать, но не к двери, где его ждали двое широкоплечих помощников Савватеева, а совсем в другой угол – туда, где у стены стояли картонные щиты. Все, даже следователь, в первый момент растерялись, и только Игорь Сергеевич, повинувшись операторскому инстинкту, резко повернул камеру вслед бегущему и припал к окуляру.

Илья ногами разбрасывал, мял и крушил картонные декорации, приговаривая:

– Выходи, сволочь! Покажись! Пора выходить из тени!

Большой щит с изображением человека, наполовину поглощенного тьмой, отделился от стены и бесшумно лег на пол, словно перевернулась последняя страница недописанной книги. Дальше ничего не было. Голая стена, расчерченная жирными линиями электропроводки.

– Здесь... где-то здесь, я знаю... – лихорадочно шептал Зими́н.

Он пинал стену, толкал плечом, бился головой.

– Ну хватит, – сказал Савватеев. – В камере будешь бодаться! Забирайте, – он кивнул помощникам.

– Сейчас, сейчас... Оно здесь, вы увидите! – Илья вдруг схватился зубами за провод и рванул, что есть силы.

– Выплюнь, дурак! – крикнул следователь.

Помощники, подбежав, схватили Зими́на, чтобы оторвать от кабеля, но в этот момент полыхнуло. Все трое отлетели от стены и растянулись среди обломков декораций. Длинная извилистая молния пробежала по обвисшему кабелю, откуда-то сверху посыпались искры. Ряды больших осветительных приборов, установленных под потолком, вспыхнули с неестественной яркостью. Один из них вдруг сорвался с кронштейна и, продолжая рассыпать искры, медленно, как тяжелая авиабомба, пошел к земле.

– Илья!!! – истерически закричала Алла Леонидовна.

Но Зими́н был без сознания. Белый огонь в оправе из черного металла ударил его прямо в лицо. Последняя вспышка показалась всем самой яркой, может быть потому, что после нее наступила полная тьма.

Некоторое время было тихо, затем послышались частые безудержные всхлипывания.

– Прекратите, Щедринский! – сказал следователь.

По стенам заметалось светлое пятно. Один из помощников Савватеева включил фонарик.

- Готов, – сказал он, направив луч на Илью Зимина.
– Господи, что же это?! – прошептала Алла Леонидовна.
– Я боюсь! – подала голос Леночка.
– Никому ничего не трогать! – скомандовал Савватеев. – Всем выйти в коридор. Перегудин, посвети!
Сам он тоже включил фонарик и подошел к оператору.
– Давай.
– Иду, иду! – заторопился Игорь Сергеевич.
– Кассету давай! – остановил его следователь.
– Какую кассету? – остренький носик оператора зарделся.
– Вместе с камерой заберу, – пригрозил Савватеев.
– Ах, кассету! – сразу сообразил Игорь Сергеевич. – Пожалуйста! Понимаю, вещественное доказательство... А вы потом вернете?
– Нет, – отрезал следователь.
– Но почему?! – оператор возмутился. – Что тут секретного? Обычный несчастный случай!
– Несчастный случай меня не волнует, – сказал Савватеев, пряча кассету. – А вот секретные методы ведения следствия снимать нельзя...
В коридоре все, включая Леночку, закурили.
Щедринский все еще всхлипывал, ломал дрожащими пальцами сигареты и бормотал раздраженно:
– Уеду к чертовой матери... В гробу я видал такую работу...
Леночка тоже вытирала слезы, только старалась не размазать тушь.
– Ах, Илюша, Илюша... – вздыхала Алла Леонидовна, глядя сквозь зарешеченное окно на снежную равнину с разбросанными по ней перелесками, – ...ведь это же в голове не укладывается!
Она обвела печальным материнским взглядом остатки своей группы и с удивлением остановилась на операторе.
– Игорь! А ты чего глаза трешь? Из-за кассеты расстроился?
– Да нет, – ответил тот, жмурясь и тряся головой, – что-то никак не оклемаюсь после вспышки. Стоит какое-то пятно в глазах – и все тут!..

2000 г.

Не нужны

Честно говоря, я думал, каюк. Напоролись на дрон, а это значит, что жизни нашей осталось на час-другой, не больше. Тут залегай хоть к медведю в берлогу, а беспилотник не перележишь. Будет кружить – елзить, как пылесос по коврику, каждый сантиметр прощупает и, в конце концов, найдет. Вот он, совсем близко тарахтит, сволочь. Низом идет. Выходит, засек, сейчас всадит...

И вдруг слышу: кудах-тах-тах – обороты сбавляет! Пофырчал, пофырчал – сел. Тут до меня и дошло: это не дрон! Простая патрульная вертушка с парой мордovorотов в кабине. И ведь сели, гады, чуть не на загriвок нам! Дверь открыли, турель откинули, гыргычут чего-то. Когда-то я неплохо понимал по-ихнему, кино без перевода смотрел. Но кино в наших краях повывелось вместе с электричеством. Видимо, решено было, что для поддержания порядка ни того, ни другого не требуется, главное – патронов побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.